

Роберт Бангиев

КОГДА ПОГРЕБАЮТ ДЕТЕЙ

**Израиль
2019**

Роберт Бангиев
Когда погребают детей

©Все права принадлежат автору,
Роберту Бангиеву, 2017 г.

Тел: 0527-495939
E-mail: robertmiryam@gmail.com

От автора

В моей жизни было немало печальных дней. Но если меня спросят: «Какой день у вас самый печальный», я отвечу: «13 января 2003 года (10 швата 5764 года по еврейскому летоисчислению), когда я потерял свою младшую дочь Аллу». Вера в Бога (в Тору, в иудаизм) стала моим спасителем, она оказалась неизмеримо выше философии, спасавшей меня в прежней жизни.

Придя в себя, я стал посвящать Алле стихи. Уже в первом стихотворении «Прощание» я выразил своё согласие с Всевышним, потому что принял свою трагедию как испытание свыше.

Кроме того, сложилось всё так, что Алла стала для меня не только дочерью, но первым в нашей семье человеком, который проявил необычайно *святую* преданность Всевышнему. Начав изучать Тору ещё в школе, она без сожалений положила на алтарь веры свои незаурядные таланты и радужные перспективы будущей карьеры и встала на путь милосердия. Во имя служения Богу Алла принесла в жертву и свою личную судьбу, которая обозначилась на горизонте её жизни красивой притягательной зарёй: она отказалась от общения с прекрасным парнем, намеревающимся стать в грядущем спутником её жизни. Вот её желание: если Бог даст Своё благоволение, супругом её будет только тот человек, который верен Всевышнему до мозга костей, с которым будет возможность неукоснительно выполнять все заповеди.

Когда наступили годовые поминки, я вновь посвятил Алле стихотворение. Ко второй годовщине со дня её кончины посвятил ей книгу. Это повесть в воспоминаниях о ней. Логическим продолжением повести стали стихи, которые посвятили ей дорогие нам люди, разделившие с нами наше горе. Выражаю им свои самые искренние благодарности.

Перед поминками третьей годовщины Аллы передо мной встал вопрос: «Что же дальше?» И я дал себе слово, готовясь к ежегодным поминкам, писать ей посвящения.

С тех пор у меня появился новый круг людей. Это были люди, потерявшие по разным причинам своих детей. Они становились моими побратимами. К великому сожалению, круг этот с годами расширяется с нарастающей скоростью. Это наводит на грустные размышления о причинах подобных явлений. Невольно прихожу к тому, что это язык Бога, Его предупреждения от грехов, которые повсюду усеяны людьми. Цель Бога одна: чтобы люди образумились, чтоб они не отходили от Его путей.

Вспоминается и великий пример Бога: Его египетские казни. Девять страшных казней не образумили и не смягчали сердце фараона. Лишь десятая казнь – умерщвление Богом всех первенцев в Египте – привела фараона в такое состояние, что он сдался и отпустил еврейский народ, приказав выдать ему огромное количество золота и серебра.

Да будут люди внимать Всевышнему и делать должные выводы из Его уроков.

Первая часть
Посвящения отца Алле

Акrostих

Август – проблеск и отрада
Лик печали с нас сорвал
Летним днём нам Бог послал
Аллу чудную из сада

Как рано мудростью прониклась ты.
С недавним детством сожжены мосты.
Рукою щедрою с Небес тебе даны
Сияния высот и бездна глубины.

Прощание

Жизнь горечью меня не обделяет –
Давно я с философией в друзьях:
Окрашены печалью мыслей стаи,
Тщетою смотрит мирозданья прах.

Меня, уже выдавшего немало,
Судьба решила снова потрясти;
Чтоб память век весь ревностно держала,
Подыскивала средства на пути.

И вот – стою я перед катафалком,
Прощаясь с младшей дочерью своей;
Стою, несчастный, плачущий и жалкий,
Свидетелем сомкнувшихся очей.

Пронёсся беспощадный ангел смерти,
Пустил стрелу – и Аллы свет погас.
Мне очень трудно осознать, поверьте,
Что *лишь* портретом смотрит её фас.

Остался путь, последний путь наш с Аллой.
Она – безмолвна. Я ж, как мёртвый сук,
Глядел на всё понуро и устало,
Не замечая ничего вокруг.

Пришли мы к свежавырытой могиле.
И *было* то, что *было* бездну лет...
Как будто бы меня похоронили...
Как будто бы померк весь белый свет...

Ты мудр, Всевышний, я с Тобой не спорю.
В Твоих руках все судьбы, все пути.
Но я – отец! Меня постигло горе.
Позволь его по жизни пронести!

Ищу и жду

Я жду тебя, ищу тебя,
Хоть всё осознаю.
И день, и ночь в печали я,
Не скрою боль свою.

Смотрю, девчат цветастый круг.
Знакомые в кругу.
Ищу тебя среди подруг.
Найти же – не могу.

Средь школьниц в утро раннее
Ищу я наугад:
Лишь схожи одеянием...
Напрасен ждущий взгляд...

С работы я домой звоню.
Чуть было не спросил:
Пришла ль со школы? Поздно ведь...
С трудом сдержал свой пыл.

Вот-вот – и дверь откроется:
Из комнаты своей
Ты выйдешь, моя скромница.
Но... нет твоих лучей.

Хотелось поделиться мне,
Как было много раз,
С тобой своими мыслями.
Но – полно: скорбен час.

Брожу пустынным путником,
Ища оазис свой.
Дни жизни стали путями.
Мираж лишь – мой покой.

Голос*

Слышу как-то раз я голос мамы,
Бросил меня в дрожь её вопрос:
«Почему не видно между вами
Алочки, вершины моих грёз?»

Зная её сердце, слабость к детям,
Я, слегка растерянный, молчал,
Не нашёлся сразу, что ответить,
Думал – не усилится накал.

«Что же ты молчишь? Скажи мне правду».
Тон уже высок, тревожен взгляд.
«К Вам она пошла», шепнули взгляду
Губы с нежеланьем, будто спят.

«Что?! – встревожил сердце голос мамы, –
Как ты мог послать её ко мне?!
Ведь *туда* ребёнку очень рано...
Наяву послал ты, иль во сне?..»

*Это стихотворение – фантазия. Но основой его была реальная жизнь. Дело в том, что моя мать покинула мир рано, в 61 год. Мечтой же её было дожить до того дня, когда родится её последняя внучка, Алла. Мать, увы, не дожила. Алла же родилась в августе, через три месяца после её кончины. Отсюда и связь меж мирами.

«То – не я», – сказал я ей устало,
Глядя в сторону, скорее, в никуда.
«Кто ж тогда послал бедняжку Аллу
В мир иной, в мир Страшного Суда?»

«В святости, с рукою в Божьей длани,
Алла подошла к границе той,
За которой – вечность и слиянье
Душ тревожных с Мировой Душой.

Взгляд к Творцу давно у ней отмечен,
Несмотря на юные года.
Миг был... Всё. И ты уж – *там*, где вечен
Свет, где не довлечет череда.

Алла в счастье. В чём же её счастье?
В том, что она – *там*, где есть мечты,
Там, где все, в действительности, братья,
Там, где пред собою все чисты».

Шла она к Святому с чистой верой,
С светлою улыбкою в глазах,
Искренней была и с чувством меры,
С тёплым, милым словом на устах.

Счастье Аллы в том, что преуспела,
Счастье в том, к *чему* она пришла,
В том, что своё «маленькое дело»
Превратила в «Добрые дела»...

Мама слушала, глаза всё понимали,
Всё в них – и улыбка, и слеза.
«Ну, пойду к своей я внучке, к Алле...
Где ты, моя нежная лоза?...»

Я один остался, в размышленьях,
Мысли упорядочивал в нить.
Воля Божья – жизни утвержденье.
Каждому дан срок. И надо жить.

Ты жива для меня

Зря старается дней череда в протекающей прозе
Твой утаивать образ, как солнце – упрямая туча, –
Ты жива для меня.

Зря стараются скрыть тебя шумные хлопоты буден,
Поглощающие, как болото, и тело, и душу, –
Ты жива для меня.

Зря стараются камни могильные в жутком покое
Утверждать, что стоит уж прошедшему страшная точка, –
Ты жива для меня.

Зря старается всё и всегда уносящее время
Унести то, что дороже, ценнее дыханья, –
Ты жива для меня.

Зря старается море сменяющихся декораций,
Призывающих жить в ослепляющем царстве забвенья, –
Ты жива для меня.

Зря старается сила, ведущая всё к привыканью,
Подчинить все стремления памяти, стража былого, –
Ты жива для меня.

Зря стараются свечи, зажжённые в честь поминанья,
Навсегда отошедшего в прошлое горестный символ, –
Ты жива для меня.

Зря старается люд, изливающийся в утешеньях,
Убеждая невольно с печалью, с тоскою расстаться, —
Ты жива для меня.

Ты жива для меня
В каждом юном создании, в нежном весеннем цветочке,
В устремленьях души, полной веры и светлой надежды.

Ты жива для меня
В проявлениях радостей жизни, безудержных детских,
В лучезарной улыбке и в звонком заливиستم смехе.

Ты жива для меня
В очертаниях женственно тонкой душевной натуры,
В грациозности жеста, в манерах, изысканных, мягких.

Ты жива для меня
В дарованиях, радужно брызжущих светом и цветом,
В романтических искрах, в полёте прекрасных фантазий.

Ты жива для меня
В откровенных пленительной лирики чистого сердца,
В доверительности, в подкупающем тоне безвинном.

Ты жива для меня
В ранней мудрости, жажде познания и пониманья,
В рассудительном слове и долга повышенном чувстве.

Ты жива для меня

В отношении к ближнему, полном возвышенной страсти,

В состраданье глубоком, в терпенье и в кротком смиренье.

Ты жива для меня

В благодарных глазах, в растворенье в священной молитве,

В бескорыстной кристальной любви и служении Богу.

Ты жива для меня.

Ты жива.

Жива.

Образ невесты застывшей

Небытие превращать в бытие,
Вспять возвращать в угасающей гамме
Творчество в данной с Небес колее,
Времени – маятника меж мирами.

Мир, что мы видим, – пространственный круг,
В воображении – мир, что невидим.
Ритм и игра колебательных дуг
Маятника созидает планиды.

Обогастилось двумя дочерьми –
Музыкою и Поэзией – Время.
Созданы чада весь свет изумить,
Всех покорить, возвышаться над всеми.

Непредсказуемо Время творит:
То оно радостно, то оно хмуро;
То станет песнею в плаче навзрыд,
То стынет музыкой в архитектуре.

Формы застывшие лезут в глаза
В опусах Времени, брошенных всюду.
Льётся порою неволью слеза –
В *памяти уж* унесённое чудо.

Врезалось в память одно из чудес,
Тех, что уж в небытие пребывают:
Девушка яркая, юности блеск,
Образ невесты, что грезит, мечтает.

Время старалось нести ей дары:
Музыки нежность, Поэзии тонкость –
Все были с Девушкой очень щедры,
Словно усердствовали вперегонку.

Девушка – полная чаша добра –
Шла благодарно Планиде навстречу,
Благоразумна, красива, мудра,
Ввысь всё смотрела, где Символ отмечен.

Полон лучей неземных её взор,
Мысли в высоты Небес воспарили –
Там расположен Священный шатёр,
Там обитает Святое Мерило.

Близится час ей идти под венец.
Суженый зрит своё счастье в невесте.
Мир приближается брачных колец.
Все в ожидании радостной вести.

Время неожиданно промолвило: «Срок,
Свыше, что великодушно отпущен
Девушке, кончился ныне, истёк.
Распорядился так Сам Вездесущий».

Маятник в небытие перенёс
Девушку, в памяти многих оставив
Образ невесты застывшей и грёз,
Не воплощённых в свершении, в яви.

Маятник-Время. Таинственный ритм.
Непререкаемый ход аксиомы.
Каждому путь свой пройти он велит:
Век – одному, и мгновенье – другому.

Всё проходит

«Всё проходит. И это пройдёт»,
Изрекает мудрец мудрецов,
Глядя, как пронесутся вот-вот
Кони гнева, как страшен их зов.
Озарённый, мудрец в этот миг
Выбрал времени вечных коней.
Чрез века смысл находки достиг
Наших кратких стремительных дней.
«Время – врач, исцеляющий нас»;
«Время – вечно, проходите – вы!» –
Отзывается эхом подчас
Глас истории новой главы...

Утро. Тишь. Прикрылось небо мглою.
Я стою в раздумьях пред тобою,
Пред твоей могилою святою.

Холоден светлеющийся мрамор.
Мысли проплывают облаками,
Словно проносящаяся гамма...

Мудрый муж, легендою воспетый,
Веским, всеобъемлющим ответом
Мир им поделён на *всё* и *это*.

Всё, как властелин широколицый,
Сделать навсегда своей *стремится*
Это пополняющей частицей.

«Время – врач». Ужель его деянья –
Сглаживанье памяти старанье?
Сеянье дремотного незнанья?

Как давно болезнью память стала?
Как давно щитом забвенье встало?
Как давно душа её избрала?

В этом ли леченье-исцеленье?
В этом ли спасенье-избавленье?
Жизнь ли то, к чему это влеченье?

Разве человек не собиратель
Ценностей, достойных и богатых,
Нравственной отмеченных печатью?

Разве он не ловит их в потоке
В водах бесконечных и глубоких
Времени, свои слагая строки?

Время ведь, имея в изобилье
Ценности, по-царски, без усилья
Дарит нам их, словно дарит крылья.

Ведь уносит времени река лишь
Вещи, что собою не являли
Жизни драгоценные детали.

То проходит, что всегда *проходит*...
Время. Беспристрастны его воды...
Время. Позади часы восхода...

«Всё проходит. И это пройдёт», –
Прозвучал снисходительный тон:
Доносясь из глубин и высот,
Аксиому напомнил мне он.
Спорить с ним я, конечно, не стал.
Обуздал своих мыслей струю.
Как пред мощью незыблемых скал,
Перед истиной-твердью стою.
Но неожиданно открылся мой рот,
И язык мой, нарушив покой,
Произнёс: «Коль и *это* пройдёт,
Пусть пройдёт *оно* вместе со мной».

Единения дорога

Двух сердец весенний трепет в унисон
Был рукою Всемогущего зажжён.

Чувствам взгляды помогают и слова,
Ликованьем их вселенная жива.

Ищут близости мгновенья меж собой.
Море искр в глазах, хоть в чём-то схож их строй.

Поиск в прошлое, в былое обращён,
Той романтикой сердец окрашен тон.

Жаждают бездну общих признаков найти
В днях той были дорогой на их пути.

Но нашлось не очень многое, увы,
Что обычно носит звание канвы.

Тут на помощь Всемогущий им пришёл,
Оживив любовь биеньем новых волн.

Он бесценной одарил их Книгой Книг.
Лучезарность разбудил в них этот миг.

Между строк горящих в книге был ответ.
На вопрос сердец пролил он яркий свет:

Единения дорога не в былом,
А в грядущем, где их ждёт священный дом.

Там величие, любовь и красота;
Там поэзия, возвышенно чиста;

Там приток благоволения Небес –
Высшей мудрости сияние и блеск;

Там сердечных треволнений и забот –
Всемогущий Сам, твердыня и оплот.

В добре моём Тебе ответ

Пришелец, мир сей созерцая,
Красу вселенского дворца,
Игру причудливой природы,
Беспорной истиной признает:
«Жизнь – благо, высший дар Творца!

Творец, пришельцу доверяя,
Ключи вручив от бытия,
Спустя промчавшиеся годы,
Судьёю строгим проверяет:
«Не вознеслось ли его «я»?»

И ниспадают испытанья
То злополучною бедой,
То неожиданным везеньем,
То бесконечным процветаньем.
То беспросветной нищетой.

Жизнь незаметно превратилась
В хранимый бережно сосуд,
В который, волей иль смиреньем,
Залиты, полные усилий,
Дела, что никогда не лгут.

Дела и добрые, и злые,
Дела малы и велики –
Былого яркие минуты,
Порывы внутренней стихии,
Судьбы нелёгкие витки.

Порою век чрезмерно долог,
Порою краток бранный век.
Запретной тайной он окутан:
И долгий век порой без соли,
И век короткий полон вех.

Как странно жизни измеренье!..
День дню не равен никогда.
Пришельцу время неподвластно:
Порою день – всего мгновенье,
Порой в нём – многие года.

Порой, в надеждах отлагая
На завтра нынешний порыв,
Он пустотою ежечасной
Бездумно время прожигает,
В «сегодня» «завтра» превратив.

О «завтра»! Быть ли ему снова?
Об этом знает лишь Творец,
Но сроду – ни один пришелец –
Носитель жребия земного, –
Хоть и признавший: есть конец.

Но где? когда? каким придёт он?
Коль тайной скрыто дней число,
То о своём бы знать уделе,
Вести посильные расчёты,
Уходом чтоб не обожгло.

Но нет пришельцу насыщенья,
Хоть велика его пора.
Когда пришла развязка драмы,
Глядит на прошлое он с мнением:
Всё одному равно – «вчера».

Коль так, то всякий век короток,
И нужно дать дням жизни бой:
Успеть лишь добрыми делами,
Летать в призвания широтах
И тем сосуд наполнить свой;

Успеть сказать без тени злости,
Прожив, сколь следовало лет,
Творцу, Владыке мирозданья,
Что дверь открыл пришельцу-гостю:
«В добре моём Тебе ответ».

Золотой островок

Всё позади уже. В мире ином
Жизни моей дорогой человек.
Время великой рекой день за днём
Перемежает разлуки и встречи.

Воспоминания, мыслей полёт.
Два твоих взгляда возникли в сознание:
Взгляд, полный девичьих светских хлопот
И ясной мудрости, веры, деяний.

Разные взгляды, и спору здесь нет,
Как две полярные точки, два края.
Я же ищу на вопрос свой ответ:
Что же из качеств и свойств их скрепляет?

Найден ответ, неожидан, красив:
Это романтика чувств и эмоций,
Это лицо твоё, твой лейтмотив.
Своеобразием это зовётся.

Ты с твоих первых младенческих дней,
С лаской доверчивой, неповторимой,
Пылкая, словно журчащий ручей,
Чем была всеми особо любима.

Коль тебя что-нибудь страстно влекло,
Ты с головою в него погружалась,
Сердца глубокого свет и тепло
В дело своё без остатка вливала.

Дух романтический объединил
Импульсов трепет, огня шаловливость
С миром смиренья, что стал тебе мил,
С нивою веры – истоком приливов.

Суть эта, чем одарил тебя Бог,
Стала твоею незыблемой осью.
Жизнь превратив в золотой островок,
В счастья, весны, вдохновения россыпь.

Кристалльный родник!

Кристалльный родник!
Порой, размышляя,
Тебя вспоминаю,
Твой образ, бывшее,
Твой истины поиск;
Твой глас, что проник
Свирелью пастушьей
В меня, в мою душу,
И храм в ней воздвиг.

Кристалльный родник!
Твой взор просветлённый –
Улыбка бутона;
Невинности краски –
Краса твоей сказки;
Твой ангельский лик,
Что глубь неземная,
Быть может, являет
Дверь в Божий тайник?

Кристалльный родник!
Как век твой был краток!
Сколь чужд он закату!
Твой путь созерцая,
Я вновь убеждаюсь:
Хоть мал золотник
И в радужном свете
Собой незаметен,
Он сутью велик

Кристалльный родник!
Дни прожиты были
В идиллии милой;
Но были и бури
С завесой понурой.
Твой чудный дневник,
Где пламенем вещим
Порывы трепещут,
Едва ль я постиг...

Кристалльный родник!
Казалось, что время,
Став вечной поэмой,
Застыв в восхищенье,
Забыло движенье;
Казалось, привык
К тому я, что рядом
Со мной моё чадо.
Но то был лишь миг.

Кристалльный родник!
Тот дух, те мгновенья
Струи источенья
Хранить будет память,
Что зрит меж словами.
Твой нежный цветник,
Красивый и скромный,
Всегда буду помнить,
Кристалльный родник!

Понимание

С тобой произошло однажды чудо –
Ты стала пониманием самим.
К тебе пришла великая минута,
Когда обычный мир вдруг стал святым.

Ты стала понимать всех с полуслова,
Для сердца был достаточен их взгляд.
Слегка лишь, помню, шевелила бровью,
Когда смысл речи был тяжеловат.

Дивились всюду трепетные лица,
Увидев, как ты волею стальной
Заставила себя переродиться,
Вселив смиренность в сердце и покой.

В сознании сменила распорядок,
В глубины проникать его уча,
Творя в душе изломанной собрата,
Представ перед нею в образе врача.

Чрез сердце боль людей переносила,
К осознанности собственной вела.
Людское горе становилось былью,
А души умилялись от тепла.

Доверчиво входила в состраданье,
Любить училась ближнего душой.
Внимала целомудренным их граням,
Их шаг предвосхищала роковой.

Вводила их в обитель милосердя,
В священный утешающий Дворец,
Где нет тщеты презренной круговерти,
Где властвовал Спаситель душ – Творец.

Посланница таинственных Небес

Как дорог наш с тобою миг свиданья,
Посланница таинственных Небес,
Ты гостьей стала самой желанной,
Живёт в сердцах и быль твоя, и песнь.

Ты птицей залетаешь к нам из рая,
Неся от Бога с радостью привет,
И, как всегда, загадочно сияешь
Сиянием ликующих комет.

Вновь истиной сверкаешь, украшеньем,
Как символ чистоты и красоты;
Сомнительного нет в тебе и тени,
Лишь светлые желанья и мечты.

Готовимся мы к трогательной встрече,
Все мысли о Творце и о тебе.
Тыходишь к нам, как будто входит вечность,
И всё преобразается в судьбе.

Ведь ты, как часть красивого былого,
С собой приносишь благо и тепло,
Как будто времена воскресли снова,
И снова твоим детством расцвело.

И снова твои сыплются вопросы,
Тебе всё в мире хочется познать –
От жизни, что волнения приносит,
До смерти, им перечашей, как гладь.

Твоих художеств искры и полёты
Восторги вызывали и не раз;
Твоя борьба, духовная работа,
Немало удивлявшая всех нас;

И святости, воспринятые кровью,
И смена поведенья твоего,
И многое, чего и не уловишь,
Твоё преображали существо.

Прошла ты путь находок и открытий,
Держала, не роняя, чести флаг,
Туда шла, где Великий Покровитель,
Где высится немеркнувший Маяк.

Став истины святой напоминаньем,
Приходишь к нам ты с искренним добром;
Тобою в просветленье мы, земляне,
Тобою озаряется наш дом.

Воспоминанья о былом

Уж десять лет, как мы в разлуке,
Я – в *этом* мире, ты – в *ином*.
Пронзают память сердца стуки –
В воспоминаниях – наш дом.

Вот, отворились настежь двери,
Передо мной предстала ты.
В картину эту нужно верить –
То сказки чудные черты.

Да-да, ты впрямь – живая сказка,
Доставил радость мне твой взгляд.
Твои восторженные глазки
Из мира игр и грёз глядят.

Твоя безоблачность прельщала,
Из уст, слетавшие слова,
Твоя ребяческая шалость,
Твой смех и грани озорства.

Твоих обилие вопросов
Искало жизни ясный смысл.
Смысл неожидан и серьёзен,
Хоть тон похож был на каприз.

Твой интерес – миры другие,
Планеты, звёзды, небеса,
Природы бурные стихии,
Диковинные чудеса.

Меня изрядно поражало:
Где сказки, деткости конец?
Где жизни, взрослости начало?
Каков исканиям венец?

Шло время, ты всё хорошела.
Таланты стали озарять.
Ты ощущала в каждом прелесть.
В твоей оценке – твоя статья.

Был мир в твоих глазах прекрасен,
Вокруг – душевные друзья;
Купаясь в тёплом море счастья,
В нём суть ты зрела бытия.

С тобой всегда весна ступала,
Играли нежные лучи,
Манили радостные дали,
Звенели чистые ключи.

Но продолжала ты исканья
Пути к бездонным небесам.
Творец вошёл в твоё сознание
И веры ясной чудный храм.

Отныне всё вдруг изменилось,
Другим стал мир, другим стал свет.
Как будто обрела ты крылья,
Войдя в Творца святой завет.

Там мир был истины великой,
Там выси звёзд, там глубь души,
Там дар торжественного мига –
Творец и ты в святой тиши.

Теперь средь всех земных звучаний,
Чем может дух быть окрылён,
Ты различила и страданья,
И вздох, и боль, и плач, и стон.

Пошла навстречу этим звукам
Ты милосердною тропой;
Сочла несчастным скрасить муки
Своею доброю душой.

Жила усердной ты заботой,
Творила добрые дела,
Постигла святости красоты –
Творцом ты избрана была.

Любовь пришла к тебе светилом,
Зарёй сверкнула меж вершин.
Тебе приятна её милость –
Достоин, верен был твой принц.

Вы были праведною парой,
Сердцами чистыми близки.
Друг в друге видели подарок
Творца Предвечного руки.

В безмерном счастье ваши души.
Вот, вы находитесь у врат
Блаженства, где вас ждут радушно
Венец и свадебный обряд.

Всё прервалось нежданно разом,
Творец решение изменил:
Свою Он точку ставит сказу,
Твой образ, лик Ему стал мил.

Тебя Творец коснулся дланью –
И ты уж *там*, на небесах.
Земля в трагическом стеленье –
Печаль великая в сердцах.

Тебе отпущенная мера
Дней на земле оборвалась.
В твоей судьбе иная эра –
Жизнь после жизни началась.

И эта жизнь твоя красива,
Царят в ней знаки образца,
Земли возвышенных мотивов
И воли, святости Творца.

Уж десять лет, как мы в разлуке,
Я – в *этом* мире, ты – в *ином*.
Пронзают память сердца стучи –
Воспоминанья о былом.

Газель

С портрета смотришь ты, как нежная газель,
Вот-вот заговоришь, как мягкая свирель.

И душу теребят мою воспоминанья,
И в памяти твоя всплывает колыбель;

И ласк наивных твоих искренность и нежность,
И смеха твоего залиvistая трель;

И вся ты – сказочная, чудная картина,
И дивный трепет на ней сеет акварель...

И вот, другой твой образ – радостная юность,
И лик твой нов во всём уж – детству параллель:

И в выси ты паришь, внизу же – всё земное,
И лишь одно влечёт тебя – святая цель;

И пред тобою синева, и нет препятствий,
И трон небес, на нём – Царь мира, Бог твой – Эль.

Акrostих «Алла»

Аллея цветущая – путь твой под небом,
На этом пути ты прошла, словно лебедь, –
Красива, светла.

Любовью к Творцу ты жила безграничной
И рано созрела пред Ним ты как личность –
Нежна и мила.

Лелеяла сад, мудрецами воспетый,
Деревья, кусты в нём – святые заветы –
Стихия твоя.

Алмазною россыпью путь украшала,
Шла к небу, к Творцу, к Его вечным скрижалям –
Там смысл бытия.

Посвящения других поэтов Алле

Авраам Иноятов

Алле Бангиевой

Ну, что ты видела, живя?
Алла! Девочка родная!
Нужна была ты нам живая.
Ты наша боль, печаль и гордость,
Срывается до хрипа голос,
И рвутся сжатые сердца –
У нашей скорби нет конца.
Ждала ты свадьбы и чудес,
Но вдруг пришёл указ с Небес.
Тебя с любовью ожидая,
Открыл Всевышний двери рая.

Рафаэль Бангиев

Ба хотири Аллаҷон

*(Баҳшида ба рӯзи вафоти духтари
Роберт ва Марина Бангиевҳо)*

Дар мавсими Баҳорию Чавонӣ
Шукуфтан, ошиқ шудан, меҳрубонӣ,
Дар аввали Умри Табиъии Инсонӣ,
Ба хоҳиши Худованди Рабонӣ –
Интиҳоб ту карди Тарки Ҷаҳонӣ!
Қард ба ҷои тӯй Домдо Қадишхонӣ!
Бе Арӯсаш у бимонд ғ дӯсти ҷонӣ...
Ба Аллаҷон – ҷони Амакаш –
Рафаэль бикунад Шехрхонӣ!

Алвай, ше йишмор алейну Элохим!
Ше йиватель ми коль Макот ше мекаблим!
Харей анахну – Яхудим ха-нивахарим!
Ше йираҳем! Йишлах Хаим меушарим!
Холь яхудим тамид митпалелим,
Шомрим аль еладим вэ нехадим!
Ми Элохим кулану мевакшим –
Латет ла еладим Хаим рак аруким!
Ше ло йилху ла Олашим
Лифней хорим хамискеним!
Томхим, Сомхим ба Элохим –
Ше йиватель ба ОНАШИМ!

Алла! Досрочно, видно, выполнила ты
на этом свете функцию свою,
Творить Добро всегда спешила ты,
я это честно признаю.
Приблизила делами к Богу Мысль
и Жизнь свою!
За всё Тепло Святое и Добро
тебя Благодарю!
Та счастлива, родная, Душа твоя в раю!

За стойкость, мужество отца
я твоего хвалю,
Который Душу в Книгу Памяти твоей
вложил свою!
Я Светлой Памяти твоей сегодня Песнь пою!
Как много Скорби! В сердце Боль храню!
От всей души я Бога Милосердного молю,
Чтобы в Раю хранил Он душу
Добрую твою!

Дарди дил бо чанд Забон бигӯяд Рафозель,
Манъ шавад Фарзандмурӣ дар Исроэль!
Аллаҷона Худо раҳматаш карда бошад,
Чояш ба Ган Эден доим бошад!

*Памяти Аллочки**

Ко дню кончины младшей дочери
Роберта и Марины Бангиевых

Перевод на русский язык

Во время юности, в мгновения весны,
В цвету два сердца шли, друг в друга влюблены.
То была муза их волвзволнованной струны.
Они желаньями Творца вдохновлены.
Разлукой ж горькою они потрясены!
Уж свадьбы нет – строки Кадиша прочтены!
Мертва невеста уж. О дни, как вы страшны!
Послушай, Аллочка, стих дяди Рафаэля:
В покое будь ты в лоне Божьей вышины!

Чтоб были Богом мы в пути своём хранимы!
Чтоб не грозили нам кнутами херувимы!
Ведь мы – избранники-евреи,-пилигримы,
Благоволенья Бога нам необходимы!
В молитвах мы перед Тобой неколебимы,
Для нас всегда потомки наши все любимы,
В мольбах и просьбах к Тебе мы неудержимы:
Чтоб долго дети жили в здравии живыми!
Чтоб не ушли они из жизни молодыми!
Чтоб дни их не были Тобой остановимы!
Чтобы надежды стали лишь осуществимы,
А наказанья их Тобой – опровержимы!

*Переводы на русский язык Роберта Бангиева.

Алла! Досрочно, видно, выполнила ты
на этом свете функцию свою,
Творить Добро всегда спешила ты,
я это честно признаю.
Приблизила делами к Богу Мысль
и Жизнь свою!
Зп всё Тепло Святое и Добро
тебя Благодарю!
Та счастлива, родная, Душа твоя в раю!
За стойкость, мужество отца
я твоего хвалю,
Который Душу в Книгу Памяти твоей
вложил свою!

Я Светлой Памяти твоей сегодня Песнь пою!
Как много Скорби! В сердце Боль храню!
От всей души я Бога Милосердного молю,
Чтобы в Раю хранил Он душу
Добрую твою!

На языках трёх страстно просит Рафаэль,
Чтоб жизнь потомков долгой видел Израэль!
Да будет вечно память Аллочки в сердцах!
“Чтоб лишь в раю ей быть!” на всех наших устах!

Зимистони таърихи

Боз меояд Зимистони ҳам хунуку ҳам душвор,
Боз бишуд оилаи Бангиевҳо ба Ғам дучор.
Мешавад такрор таърихи мо чанд бор-бор
Дар мавсими Зимистони - моҳи Шаботу ҳам Одор.

Боз бирафтан аз Авлод пиру чавон,
Боз бикардан беҳтарон тарки Чаҳон.
Мешавад Авлоди мо пурғам, гирён
Дар мавсими Зимистон - боз ғусели наздикон...

Боз Авлоди мо бигӯяд: «Алвидо!»
Боз ёшмурӣ! Кард Аллаҷон тарки Қоҳонро ибтидо.
Мешавад дар дили мо ғусса пайдо
Дили Роберту Марина шуд шайдо!

Духтари Амнун Бангиев – Соняҷон,
Соняҷони хушзабону ҳам хандон,
Дар Америка вафод кард дӯсти ҷон...
Дар мавсими таърихи Зимистон!

Боз ғуссаю ҳам андӯҳ шуд бешумор.
Боз бигӯем – ба хоҳиши Худовандо нест чор!
Рафтан пай дар пай он Чаҳони гулизор
Ба онҳо – Борис Бангиев рафт Сутум, Сардор!

Бо умед меоем мо дар Чаҳон,
Нашавад, хатто, Душман, хонавайрон!
Набинанд ғуссаю ғам ёру дӯстон!
Набинем ҳаргиз Ҷанг! Шавем хандон!

Гум намешаванд Номҳои Азизон,
Аз дили бишкастаю, ҳам аз даҳон,
Бигиронед шамъу ҳам тамоми чароғон,
Ба хогири Наздикон! Гузаштагон!

Рафоэль аз дилу чон бикунанд илтимос –
Ба Худо бикунем мо Ихлос!
Накунем гуноҳ, бигӯем доим рост –
Аз ғамҳо бикунанд Худо халос!

Перевод на русский язык:

Историческая зима

Вновь зима пришла жестокая во двор,
Вновь к Бангиевым пришёл свирепый мор.
Сколько раз была беда, и вновь – повтор,
Словно взять нас она хочет на измор.

Вновь уходит в мир иной наш славный род,
Вновь талантливый уйти настал черёд.
Слёзы род по мир покинувшим всё льёт!
И сегодня он открыт, сей мрачный счёт.

Вновь в устах слышна лавина горьких слов,
Вновь редее поколение юнцов.
Ныне Аллочку окликнул строгий зов,
В сердце матери, отца полно шипов.

Нет и Сонечки. Угрюм уж небосклон,
И не слышен её яркий голос-звон.
Скорбь в Америке, звучит надрывный стон,
Хор рыдающих тосклив и удручён.

Вновь тяжёлая печаль и море слёз,
Вновь в молитвах к небу руки люд вознёс.
В мир иной будто проложен мрачный мост,
По нему Бориса гроб народ пронёс.

Мы с надеждой в мир пришли сей и живём,
Переносим все несчастья день за днём.
Пусть друзей минует тяжкий жизни слом,
Пусть и недругов в покое будет дом.

Имена достойных на тропе святой,
Они в сердце, не уйти им в мир иной.
Люди, плачьте, помяните их свечой,
Пусть поддержит память их покой.

Рафаэля просьбу зрите между строк,
Что течёт из его сердца, как исток:
Не грешите, чтоб нам было всё лишь впрок,
Чтобы нас оберегал от бед всех Бог.

Рая Кошмакова

Бахшида ба Аллачон ҷавонрафта

Фигон аз дасти ситамкор,
Ки дилҳоро кард имрӯз афғор,
Аллаҷони оҳиларо аз миён бурд,
Ба фалокати бедаво карда гирифтор.

Чи рӯз дидӣ – чи рӯз дидӣ?
Чаро Аллаҷон хазон гаштӣ?
Дар ҷаҳон чизе надидӣ;
Гуле аз боғи мурод начиндӣ.

Кучост он духтари дилсӯзу мушфиқ?
Кучост он духтари неку вафодор?
Кучост он гавҳари яктои авлод?
Кучост он некном, некхислату некрафтор?

Дар хонааш ўро наёбем,
Ба ҳар кунче назар андозему кобем.
Ба ин пурсиш ҷавобе нест моро,
Ба ғайр аз гирия, навҳа, нолаи зор.

Охир рафт аз миён духтари ҷонони мо,
Духтари хушхулқу хушгапу хушлиқои мо,
Он духтари бофаросат, соҳиби ақлу расо,
Он духтари олиҳимату пурхунари
қиматбаҳо.

Перевод на русский язык:

*Посвящение Аллочке,
бездременно покинувшей мир*

Стоны из-за смерти роковой,
Что в сердца людей вселила горе,
Аллочку унёсши в мир иной,
Слёз печальных, вызвавшая море.

Что ты повидала в жизни, Алла,
Перейдя людской земной рубеж?
Почему неожиданно ты увяла,
Не сорвав цветок в саду надежд?

Где та доброта, то состраданье?
Где та лучезарность, красота?
Где та прелесть, то очарованье?
Где та высь, то имя-доброта?

Не найдёшь её теперь ни дома,
Ни вокруг, нигде её уж нет.
Где она? Сей плач твой, очень громок,
В вечном ожидании ответ.

Так ушла от нас сама душевность,
Светлая приветливость, раденье,
Редкая смыслённость, совершенство,
Благородство, истинность, бесценность.

Бахшида ба соли якуми Аллаҷон

Сад хайф, ки он духтари доно зи ҷаҳон рафт,
Аз теғи аҷали ногаҳон бо ноларо фарёд кунон рафт,
Дар фасли баҳораш ба хазон гашт гирифта
Пажмурдаю кулфатзада аз боди хазон рафт.
Аз фалокати бало бо чигари реш ҷавон рафт.
Чаро, Аллаҷон, хазон гаштӣ?
Соябон будӣ ба сари падару модар, кучо рафти?
Нашуд сарат аз дард берун,
Меҳрубони падару модар, кучо рафти?
Дили хешу таборон ба доғат афгор кардӣ.
Афсӯс, ки Аллаҷон кафанпӯш шуд,
Ҷонро ба Худо дода, хомӯш шуд,
Аллаҷон рафту интизор кард моро,
Бо марги худ ғамғусор кард моро,
Имрӯз падару модар, чигару хешу таборон
Мусӯзанд аз барои Аллаҷони бегуноҳ.
Хуранд афсӯс бар ҷони ҷавонаш,
Бигӯянд аз сифоти неки суҳанҳояш.

Перевод на русский язык:

***Посвящается в честь первой годовщины
памяти Алочки***

О умница! Покинула ты мир! Сонм сожалений!
Стрела внезапной смерти пресекла цепь
устремлений.

Была ты увяданьем пленена в свою весну,
Унесена вдаль ветром неожиданных вторжений.
Истерзанная бедами, ушла ты молодая,
Листом опавшим стала вдруг, красавица бывая.
Опора матери, отца, куда же ты ушла?
Куда ушла ты, нежинка родителей святая?
Своей бедой сердца родных и близких надорвала,
Как жаль, что ты, столь юная, одета в саван стала.
Жизнь Богу возвратила ты, войдя навеки в тишь,
Теперь должны отец и мать жить без тебя, рыдая?
Ушла ты. Мы ж превращены тобою в ожиданье,
Своей смертью обрекла ты всех нас на страданье.
Ряды сегодня близких и родных, отец и мать,
Безвинная, из-за тебя горят в переживанье.
Пусть слёзы они льют, скорбят, вкушают
сожаленья,
Пусть скажут о добре твоём, твоём Богослуженье.

Маруся Мушеева

У каждого своя дорога

Алле Бангиевой

Подъехал школьников автобус.
Забыла Алла завтрак свой,
Портфель оставила подружке,
Сказав, что сбегает домой.

Бежит обратно что есть силы.
Обычный день. В душе – любовь.
Об осторожности забыла –
Удар машины, крики, кровь...

И сердце матери заныло,
Отец, жених – все ждут беду:
«Не может быть! Что это было?»
Слова невнятные, как в бреду.

Неделю все в больнице были.
Молились, верили: пройдёт!
Дежурили, не отходили
И дни, и ночи напролёт.

Ты так и не пришла в сознание,
Объята будто вечным сном;
Не улыбнулась на прощание,
Ушла с измученным лицом.

Я до сих пор ещё не верю
В потерю счастья, в твой уход!
И вот, спустя всего неделю,
Мечты разбились все об лёд!

У каждого своя дорога.
Приходит время долг отдать.
Все говорят: «То – воля Бога,
Когда, кого и как забрать».

Тебя забрал Он очень рано,
Не дав ни свадьбы, ни детей,
В сердцах оставив боль и рану –
Тебя ведь не было добрей...

Мы помним все тебя, родная,
Свет глаз твоих, твои дела,
Здесь будет девочка другая...
Ты ж *там* побереги себя...

Там будешь ты в садах Эдема.
С тобою будут мир, покой.
Лишь плакать будет твоя мама
Печальной, горькою слезой!

Лэйд Маим-Хаим

Алле Бангиевой

Хоть сердца рана кровоточит,
Но, в утешение, я знаю:
Похищен Аленький цветочек,
Чтоб красоту умножил рая.

*(К этому посвящению Алле
Лэйд Маим-Хаим добавила и
два музыкальных посвящения –
пьесы «Воспоминание» и «Алла»)*

Мирьям Юсупова-Бангиева

Алле Бангиевой

Всё к тому шло, что ты станешь мне снохой,
Но другим было Творца распоряженье:
Вдруг ушла ты, к сожаленью, в мир иной,
Став мне дочерью с душой благословенной.

Приложение-1

10 швата

10 швата. Это самая печальная дата моей жизни. В этот день ушла из жизни моя младшая дочь Алла.

Ровно через год после этого траурного события я был приглашён на поминальный вечер, посвящённый 104-й годовщине со дня смерти основоположника бухарско-еврейской литературы Шимона Хахама. Моё обострённое внимание привлекла шифровая надпись под портретом дорогого, великого человека: 10 швата.

Дата 10 швата стала для меня ещё дороже. А Шимон Хахам уже навсегда вошёл в мою жизнь. Если раньше у меня к выдающемуся имени был обобщённый познавательный интерес, то теперь, с этого поминального вечера, каждая деталь биографии и творчества Шимона Хахама стала частью моей личной жизни.

Далёкий от мистики и мистификации, я, тем не менее, был поражён рядом совпадений наших судеб. Заранее прошу простить меня за сравнение собственной скромной персоны с выдающейся личностью. Но речь идёт о детях. Посудите сами:

1. В семье каждого из нас было двое детей;
2. Жениха моей покойной Алла тоже зовут Шимон;
3. Жених Шимон-Йохай Юсупов тоже раввин;

4. Шимон Хахам потерял младшего сына Пинхаса, я – младшую дочь Аллу;

5. Обоих ушедших из жизни детей объединяла свадьба: Пинхас скончался немного времени спустя после женитьбы, Алла – незадолго перед замужеством;

6. Жизнь обоих была свыше остановлена внезапно: Пинхас неожиданно занемог и через несколько дней ушёл из жизни, Алла попала в автокатастрофу и через неделю скончалась;

7. Оба были духовно чисты и преданны Торе;

8. У обоих из нас старшая дочь оказалась далека от отца;

9. Оба – переводчики: Шимон Хахам – с иврита на еврейско-таджикский язык, я – с еврейско-таджикского – на русский язык, на котором сегодня говорит большинство бухарских евреев;

10. У обоих схожие цели: сделать всё, чтобы твоему народу было понятно, чтобы он развивался;

Богу было угодно, чтобы я не только и не просто посочувствовал Шимону Хахаму в его великом горе, но и пережил схожее несчастье. Может быть, для того, чтобы посвятить ему одну из своих книг? Это я уже сделал. А может быть, потому, чтобы родилась поэма о Шимоне Хахаме? Это я тоже сделал.

В эту книгу я счёл уместным внести поэму о Шимоне Хахаме «Дорога святости», потому что она стала неотделимой от образа благословенной памяти моей младшей дочери Аллы.

Роберт Бангиев

Дорога святости

Поэма

Шимон Хахам, потомственный мудрец,
Воззвать к тебе решил я, наконец.

Прости, что говорю с тобой на «ты» я,
Так с Богом мы открытые, простые.

Звездой небесной стал ты для меня,
Что светится, таинственно маня.

Чем больше о судьбе твоей я слышу,
Тем ярче ты становишься и выше.

Дарован был тебе Всевышним рок,
Трагически прекрасен и высок.

Любовь и разум – два твоих начала –
Лучами путь твой добрый освещали.

Евреев славный сын, Шимон Хахам,
Позволь мне по твоим пройтись следам.

Так мысли мои стройной чередою
Портрет отобразят твой и бывшее.

Источник твой – седая Бухара,
Она и благородна, и щедра.

Столица ханства, чтима, как и Мекка,
Пристанище таджиков и узбеков.

Где символ высится восточный – минарет,
Старательно, красиво разодет.

Тот город, что собратьев наших грея,
Пометил их: «бухарские евреи».

Впитав в себя культуру и язык,
К среде той соплеменник наш привык.

Собрату стал он станцией конечной...
Конечной? Неужели то навечно?

История ответит на вопрос,
Коль в воды её мы войдём всерьёз.

Евреям грешным Бог наслал сверх бедствий,
Рассеянье – испытанное средство.

Гонимым стал Всевышнего народ,
Доныне он слезу печально льёт...

Но в каре Божьей зло с добром – друг в друге.
Изведав зло, добро признали слуги.

С рассеяньем евреев разошлась
Духовность Бога, истина и власть.

Становится всё более, виднее
Смешение еврея с неевреем.

Явился в мир неслыханный почин –
Еврейская диаспора общин.

Живя веками в странах всей планеты,
Еврей стал чрезвычайно «разноцветен».

И каждый «цвет» имеет свою речь.
Бессилен он иврит родной сбережь.

Душа и тело порознь вздыхают:
Лишь тело – здесь, душа же – в отчем крае.

К былой национальности «еврей»
Приставку дали «-ский» невзгоды дней.

И стало столько «-ских» евреев мира,
Сколь множество народов нашей шири.

Давно и на просторах Бухары
Бухарские евреи, их шатры.

Их цель простая – выжить на чужбине,
Вживаясь в мусульманские глубины.

Эпоха преклонения и мук...
Просвета нет: движение – лишь круг.

Но круг замкнут. Казалось, что он вечен.
Где страх за жизнь, о грамоте нет речи.

Прости, Шимон Хахам, увлёкся я,
Сложны порой проблемы бытия...

Ты рос в семье бухарского еврея,
Что Книгу Книг держал, благоговея.

Не только он, но дед и прадед твой
Всевышнего любили всей душой.

Любовь свою потомкам завещали –
Хранить Творца в священных ритуалах.

Познал ты с детства тайну букв святых –
Нектар творений будущих твоих.

Поэзию читая непрестанно,
Купался ты в словесном океане.

Шахин, Йосеф, Рагиб и Имрани* –
В тебе поэта возожгли они.

Путём учёных поисков, дерзаний
Ты ширил тесный круг языкознанья.

Не зря *Хахам* ты, как и весь твой род.
Хахам лишь тот, кто мудростью живёт.

Сказала мудрость: «Будущее – дети!
В них – суть твоя! Отметь, коль не отметил».

От мыслей, слов уж к действию пора:
Тобою создан дом «Талмуд-Тора».

Есть школа у бухарского еврея,
Где в детском сердце заповеди зреют.

Юнец влечётся к знания вратам,
В нём будущий сидит талмид-хахам**.

Ты душам юным, их горящим взорам
Раскрыл жемчужин мудрых полный короб.

Сидел в тебе и редкий каллиграф
Стихов любимых, близких сердцу глав.

Листы стихов сдувались, словно ветром, –
Так их дарил читателям ты щедро.

Тебе в награду дали Небеса
Жену Эстер, что чистая роса.

Как храм, ваш дом был набожен и светел –
В Эстер самой жила душа поэта.

Ребячий звон ласкал твой тонкий слух!
Но Бог решил в живых оставить двух...

Сара-дочурка, розочка из сада,
И сын-Пинхас, пленительное чадо, –

Твоё потомство. Как любил их ты!
Отца любовью редкой чистоты!

Волнуют сердце трепетом глубоким
Хахама поэтические строки,

Когда, рисуя образы детей,
Отрадою ты делишься своей.

Живёшь ты в Бухаре, стране Корана,
Но грёзы – о Земле Обетованной.

Настал момент, мечта твоя сбылась,
Землёй отцов ты наслаждался всласть.

Простёрся пред тобой Йерушалаим,
Твоим глазам представился он раем!

Святыней «заболел» ты навсегда.
Поблекли все другие города.

Пред древнею реликвией немея,
Пришёл ты к неожиданной идее:

«А если оба города связать?
Ведь это и мечта, и благодать!

Душа моя, наверно, возликует,
Возрев здесь Бухару свою родную!»

Опережая век в своей мечте,
Евреев всех здесь видеть ты хотел.

Йерушалаим. Взялся ты за дело,
Квартал Бухарский основав здесь смело.

Евреи Средней Азии зажглись –
К себе их стала влечь Квартала высь.

Здесь свято всё, парит здесь дух высокий,
Здесь лучше ощущаешь Божье око.

А сам ты стал на маятник похож:
Два города – то там, то тут живёшь;

Меж ними разрываешься порою
В приподнятом, восторженном настрое.

Но творчество – с тобой. Где б ни был ты,
Поэзия там вечной красоты.

Иврит, фарси – свободен в них, как птица,
К словесной высоте душа стремится.

Ты занялся печатанием книг.
То клад неиссякаемый, родник.

И рукописи ожили в экстазе,
Средь них Шахин великий из Шираза.

Полна удачи, света полоса,
Её вершина – свадьбы голоса.

Сара, стройна, красива, безупречна,
Ласкает взгляд твой в платье подвенечном.

Счастливым, посещаешь ты с семьёй
Места святыя на Земле святой.

Средь них Хеврона древние могилы
Твоё воображенье поразили.

В заботах светлых дни твои текли.
Ни тучки не виднеется вдали.

Вдруг ясный день исторгся гулким громом –
Явленье драмы, гости незнакомой:

Пришли, твоё величие куя,
Печаль и беды, мудрости друзья.

Слегла Эстер, любимая подруга,
Лишившись вскоре жизни от недуга.

Оплакивал её, что было сил,
Остался верен ей ты, ею жил.

И мать ты заменил своим сиротам,
На плечи взяв нелёгкие заботы.

За дочь свою спокоен ты весьма –
Сара уж мама первенца сама.

Но сын Пинхас! Ещё он очень молод!
Сейчас в пути... закончить должен школу...

А как он учится! Блестящий ученик!
В познании он многого достиг!

Шимон Хахам, твоё он продолженье
Всё та же страсть к учёбе, то же рвенье;

Пинхас красив, талантлив и умён,
Тебя во всём напоминает он:

Как ты, он – полиглот, как ты, – учёный,
Как ты, имеет взор воспламенённый;

Возвышен он в воззрениях и свят;
Такой же в нём парит душевный лад;

Хахамов он достойнейший потомок,
В грядущем – ваша слава, гордость дома;

Твоя, Шимон Хахам, он плоть и кровь;
Твоя надежда, вера и любовь.

Пора б отцовский долг исполнить с честью:
Свести его с достойною невестой.

И найден был желанный жизни друг,
Творенье всемогущих Божьих рук.

Была и свадьба сыграна на славу –
Пинхас в счастливом лучезарном сплаве.

Всё стало так, как должно было стать.
Не зрела счастье сына только мать.

Не зрела... счастье сына... счастье... счастье...
Как правило, оно не в нашей власти...

Дано кому-то счастье просто так,
Хоть бездарь он, ненадобность, сорняк.

Иной – талантлив, полон дарований, –
Влачит свой век в безжалостном капкане.

Иль блеска завершились рано дни...
И точкой в жизни стал его зенит...

Я речь веду о молодом мужчине,
Что стал жильцом иного мира ныне;

Твоя заря, твой солнца луч Пинхас,
Женившись, неожиданно угас.

Вновь смерть пришла... Нашла своё подворье...
Обрушилось неслыханное горе...

Ты слёзы льёшь рекой, Шимон Хахам,
Конца и края нет твоим слезам.

Не тот ты, кто перечит воле Бога,
Молитвы лишь – пределы монолога.

Стезя твоя – мучительный распад –
Трудна невосполнимостью утрат.

«Бог дал, Бог взял». Вот истинное слово,
Что сказано смирением Ийова,

Когда терять он стал своих родных,
И сам был обессилен, дряхл и рыхл.

Ийов! Ийов! Своей святою верой
Ты стал для всех классическим примером.

И ты, Шимон, последовал ему:
Не перешёл от света ты во тьму.

Любовь большой, любовь огромной силы
Всё так же в твоём сердце сохранились.

Шимон Хахам, ты не был одинок –
Любить так может тот, в чьём сердце Бог.

Любовь твоя была любовью к Богу,
Она светила на твоей дороге.

Кто любит так, добро всегда творит.
То – хлеб его, и им всегда он сыт

Ты помнишь дни, когда совсем был юным,
Ту музу, что воспели сердца струны?

В той песне сердца, полной страстных нот,
Ты горестно стонал за свой народ.

Ты видел, что бухарские евреи
В невежестве глубоком цепенеют.

Ты знал: вокруг еврея мир жесток,
Его надежда, упование – Бог.

Уже тогда вопрос в себе ты слышал:
Не ты ли тот, кого послал Всевышний

Спасти людей и вывести на свет
Из загнанности суеты сует?

Уже тогда любовь твоя к народу
Рождала удивительные всходы,

Войдя добром в сети «Талмид-Хахам»,
В томах тех книг, что ты дарил друзьям...

Ты мысленно увидел книгочеем
Обычного бухарского еврея.

Листает Божий том его рука.
Тора, как мир, бездонно глубока.

Он не был безнадёжным и забитым –
Дверь сердца перед знанием раскрыта.

Народ бы весь твой выглядел таким!
Ведь избран он Всеведущим Самим!

И стал народ твоим целинным краем.
Да, свято место пусто не бывает...

Любовь твоя, что трепетный покой,
Огромной излилась она рекой:

И, поступившись творческим расцветом,
Карьерою персидского поэта,

Звездой признанья, что, мерцая, ждёт,
Ты страстно окунулся в перевод.

Искусство перевода непростое:
Ключ к сердцу подобрать – тут нужен поиск!

Основой зданья должен быть Танах*,
У каждого чтоб был он на устах.

Хоть тёмн адресат, но не бездарен.
Читателем он будет благодарным.

Еврей бухарский в набожности чист,
Он в вере – настоящий оптимист!

Итак, выходит в свет за книгой книга –
Ты бросил вызов тьмы дремучей игу...

Войдём опять в историю, Хахам,
Пройдёмся по еврейским уголкам.

Рассеянье. Евреи покидают
Страну отцов вспорхнувшей птичьей стаей.

Для Бога ж расстояние – ничто.
С евреями Тора, как дар святой.

И время Богу – тоже не помеха:
Живуче вечно слов небесных эхо.

Иврит уносит времени река,
Иной родной язык творят века.

Неведом людям путь Творца деяний:
Бдит вечно Бог, и бдит Его посланник.

Он в новом языке Творца найдёт;
И Мысли жизнь продолжит перевод.

Духовная, небесная словесность
Еврея насыщала интересы.

Уверенно ступая, авангард
Обогащал духовно тяжкий старт.

Средь них поэт Шахин, тобой любимый,
Шёл, высоко держа Святое Имя.

В посланников число вошёл и ты –
Сбылись твои заветные мечты.

За каждую строкою перевода –
Труда большого длительные годы.

Во фразах, весь в величие одет,
Глядит на нас достойнейший поэт.

А в подписях твоих произведений
Возвышенной достигнута ступени:

«Пылящийся у ног Шимон Хахам...»,
«Простейший человек Шимон Хахам...».

Великий лишь с подобной простотою
Способен о себе сказать такое!

Читающий возвышенное рос
К Божественному вёл его твой мост.

Твой мир высоконравственного слова
Стал в сердце зарожде́ньем жизни новой.

И расцвела цветеньем целина,
Тобой, Шимон, она воскрешена.

И взоры благодарных поколений
Светили пониманьем и прозреньем.

Твоя судьба тебя благодарит:
Отросточек твой, внучка Шуламит,

Взошла прекрасной, мудрой поэтессой,
Продлив твою возвышенную пьесу.

...Тут новая нахлынула волна –
Советские настали времена.

Пришёл открыто, твёрдо, не робея,
Язык Руси к бухарскому еврею.

И потрясён его родной язык –
Разлад меж поколениями возник.

Затем и эта канула эпоха,
А с ней ушли томительные вздохи.

В мгновениях истории века,
Стремительность движенья высока.

Созвучно социальной непогоде,
Евреи Средней Азии уходят.

Уходят в страны дальних берегов,
А часть – в страну прославленных отцов.

А что с бухарским языком творится!
(В жестоких состязаниях царица...)

Когда-то белый свет ему был мил –
С таджикским и узбекским он дружил.

Затем ему удар наносит русский –
Бухарский ощущает перегрузку.

Английский и немецкий – всё теснит,
Особо – возродившийся иврит!

Велик иврита опыт, между прочим:
Был вытеснен – остался чист и сочен.

Иврит, проникнув, сквозь забвенья дым,
Евреям вновь становится родным.

В прощанье с ненаглядной Бухарою
Бухарского еврея беспокоит

Его повисшая судьба, его язык:
Он издаёт души тревожный крик.

И на иврит, язык седобородый,
Свои творенья спешно переводит.

(Средь *-ских* бухарский тоже ведь еврей,
Забывший свой язык святых корней.)

Язык бухарский век свой продолжает,
То погружаясь в волны, то всплывая;

Минуя всё, который уже год
Вдали от Средней Азии цветёт.

Что завтра будет, неисповедимо,
Как всё у Бога, Свято Его Имя;

Господней воле всё подчинено –
Взлёт в небо и падение на дно.

А если всё же вдуматься: что выше,
Важнее что – язык, иль то, чем дышишь?

(Служить примером может доброта –
Язык, где мысль и внятна, и проста;

Немой на нём беседует свободно,
Глухой ему внимает превосходно.)

Рассеянье. Диаспора. Язык...
Как стал он у еврея многолик!..

Когда иврит надолго был потерян,
Еврей и без иврита слыл евреем...

Такое может в жизненном пути
Со всем, вошедшим в мир, произойти.

Останется в истории еврейства
Рассеянье, Всеведущего действо.

Святыми в нём пребудут имена,
Чьей жизнью Мысль Творца сохранена;

Чей долг стал жизни собственной важнее:
Спасать в еврее бережно еврея;

Чьей честью должно быть растворено
В душе еврейской истины окно;

Чьё творчество – шедевр литературы
Евреев бесприютных и понурых:

Прославленный Саадия Гаон,
Йосеф Тавус, Шахин и Мендельсон,

Шалом Алейхем, многие другие,
Кто в сердце вызывает ностальгию.

Средь звёзд, что неподвластны временам,
Твоя блестит звезда, Шимон Хахам.

Еврейский мир гордится своим сыном,
Что устремлѐн к возвышенным вершинам.

Цены самозабвенью сердца нет –
Твоим стараньем не отсохла ветвь

Избранников разросшегося древа,
Чья жизнь – звучанье Божеских напевов.

Возвысился ты, ближнего любя,
Не как себя, а больше, чем себя!

*Известные еврейские поэты, писавшие на фар-
си.

**Талмид-хахам – раввинистический учёный.

****Танах* – три важнейшие еврейские священ-
ные книги: Тора, Пророки, Писания.

**Вторая часть
Моим побратимам**

**Посвящения друзьям и родным,
потерявшим детей**

Каждый знает о том
Малко Хаимовой-Израиловой,
потерявшей дочь Розу

Каждый знает о том,
Что он – гость в этом мире,
Что оставит свой дом,
Завершив свою лиру.

Каждый знает, что жизнь
Коротка, как мгновенье,
Что ты, словно артист
На подмостках вселенной.

Ты играть должен роль,
Что дана тебе свыше,
В ней и радость, и боль,
Чем полна твоя ниша.

Роза, ты – сама честь,
Ты – приятная гостья,
Твоя жизнь – это песнь,
Хоть всё было непросто.

Ты успела сказать
Своё доброе слово,
Благодарность воздать
Ты успела с любовью;

Повидать ты смогла
Радость жизни, веселье
И благие дела
Превратить в ожерелье;

Став примером добра,
Оказать людям помощь,
Чтоб под сводом шатра
Стал родным незнакомый;

Ты рукою своей
Создала окруженье;
Этот чистый ручей
Полон благословенья.

Роза, пробил твой час
Скорбью непостижимой.
Пусть огонь твой угас –
Вознеслось твоё имя.

Ты святой чистотой
Под стенание хора
Ранней нежной звездой
Вознеслась на просторы.

Когда погребают детей
Зое Ильяевой-Полвановой,
потерявшей сына Эфраима

Когда погребают детей,
Становится мир весь мрачней.
Истории истинен вывод:
Нет казни на свете страшней.

Когда погребают детей,
Раскрыта бессмысленность дней.
Всё, кажется, перевернулось,
Нарушен порядок вещей.

Когда погребают детей,
Сердца наши сжаты сильней.
Печаль, безутешное горе
Не слышит разумных речей.

Когда погребают детей,
И добрый в слезах, и злодей.
Ту боль, что терзает родного,
Чужой ощущает своей.

Когда погребают детей,
В отчаянье стоны камней.
Вселенная, жизнь застывает,
Когда погребают детей.

Худшее из зол
Семёну и Любе Исаковым,
потерявшим сына Ариэля

О, друг! Как многие, ты стал мне побратимом –
Такой же страшный ад при жизни я прошёл.
Порой явления вокруг необъяснимы.
Но смерть ребёнка худшим кажется из зол.

Смиримся же, опустим головы пред Богом,
Помолимся, чтоб не было грехов и бед,
Чтоб не была к Нему трагичною дорога,
Чтоб Бог вселил в сердца людей священный свет.

Обращение учителя к отцу
Ильичу Аранбаеву,
Потерявшему сына Яира-Володю

К тебе, отец, пришла беда,
И стал ты мне собратом –
Отец, твой сын ушёл туда,
Откуда нет возврата.

Я знаю, казни нет страшней,
Чем смерть родного сына.
И сколько горьких слёз ни лей,
Не сменится картина.

Тебе на сердце тяжело,
Но знай, и мне не просто –
Меня как будто обожгло:
Ведь он и мой отрок.

Ты знаешь, он – мой ученик,
Пусть в прошлом это было.
Меня кольнул твой скорбный миг
Калёным острым шилом.

Приятный свет его лица
Лучится в моём сердце.
Живу я, чту, в себе неся
Тот свет, улыбку, верность.

Но часто в думах я брожу
По тропам жизни разным
И к грустной мысли прихожу:
За что такие казни?

Видать, немало мы грешим
И гнев в Творца вселяем.
Тогда тяжёлым и плохим
Творец нас награждает.

Давай, помолимся, отец,
Чтоб мир наш стал светлее,
Чтоб мы вошли все, наконец,
В Храм Божий, не краснея.

Чтоб память сына твоего
Была благословенна.
Чтоб не коснулись никого
Печальные мгновенья.

Саша, ты не умер, как иные
Лидии Максимовне Конанькиной,
потерявшей сына Сашу

Саша, ты не умер, как иные,
Ты погиб, как гибнет лишь поэт;
Дни твои, горяще роковые,
Ярче тленья долгих-долгих лет.

Ты сиял звездой на небосводе,
Истину отстаивал мечом;
Честен, бескорыстен, благороден,
Страха не испытывал пред злом.

Горд сознанием, полон устремлений,
Ты держал в руках своих перо;
Дон-Кихотом слыл в своём боренье;
Кровью добывал для всех добро.

Саша, ты не умер, как иные,
Ты погиб, как гибнет лишь поэт;
Так уходят корабли большие
В вечность, где не меркнет Божий свет.

Час ада

*Сасону и Свете Бангиевым,
потерявшим дочь Розу*

Смерть пришла и ушла. Нет чада.
Все сидят и молчат. Час ада.

Взрывы чувств – крик и стон. О горе!
Сникли все. Вздох, печаль. Тьма взоров.

Тишина. Лишь вопрос: «За что же?
Дай ответ, объясни, о Боже».

День прошёл. Видишь ты – мор юных.
Много их. Сердце жжёт, рвёт струны.

Может быть, юных жизнь – расплата?
Мрак объял их друзей-собратьев.

Загляни в древний мир, в Египет.
Грех отцов, смерть детей. Всё гибнет.

Слышишь глас мудреца: «Так будет,
Коль вся жизнь – только грех, о люди!»

Прав мудрец, что грешат седины,
Платит же за грехи безвинный.

Вывод прост: стал наш мир безумен.
Надо всем сообща подумать.

Наша жизнь – не пикник, не сахар.
Терпит Бог. Терпит-ждёт. Ждёт страха.

Страх исчез, страха нет – нет веры.
Веры нет – потерял ты меру.

Согрешил? Попроси прощенья.
Исправляй жизни путь служеньем.

Коль служить, то добру, для чада.
Это всё, что Творцу лишь надо.

Стоит отец пред мёртвым сыном

*Амнуну Давидову,
потерявшему сына Моше*

Стоит отец пред мёртвым сыном.
Уста молчат. К чему слова?
Какая страшная картина!
Невероятность естества!

Не знает он, что дальше делать.
Потерян жизни всякий смысл.
Был сын! А ныне – это... тело.
Что делать с ним? Вопрос повис...

Поднял главу свою он к небу,
Издав истошный, дикий крик.
Как изменить хотел свой жребий!
Но поздно. Явь уж этот миг.

Отец вдруг сник. Вдруг весь затрясся.
Слезу печальную излил.
Затрепетал пред Божьей властью,
Склонился, мученик, без сил:

«Небес Решение сурово,
Обжаловать его смешно.
Найти бы оправданья слово,
Пусть даже тягостно оно.

Ищи, ищи его, мой разум,
Рыданьям сердца вопреки,
Приди к согласию с Указом,
Хоть поиски и не легки.

Что с нами ныне происходит?
Детей хоронят их отцы.
Неужто Богу не угоден
Наш путь? Скажите, мудрецы.

Да, да, грешим все мы, нет спору,
Да, жутко страшен злой язык.
Конца не будет, видно, горю,
Коль в гнусной лжи погряз наш лик.

Порою мы высокомерны,
Порою каверзны и злы.
Куда же делась наша верность?
Где чаша доброй похвалы?

Бытует в каждом себялюбец,
Во всех он видит лишь себя.
Так тихо жизнь пойдёт на убыль.
Жить нужно, ближнего любя».

Отец замолк в трагичной позе.
Сын – что безжизненный укор.
Невидимы укора слёзы –
Их скрыл от мира мёртвый взор.

Мы все повинны в его смерти,
Пред ним нам всем держать ответ.
Друзья, грехи свои умерьте,
Чтоб не познать подобных бед.

Моше, прости нас, ради Бога,
Простите дети-мертвецы.
Избавь нас, Боже, от дороги,
Где платят за грехи юнцы.

Прости, Господь, за преступленья,
Прости и дай нам добрый свет,
Господь, дай чудо возрожденья
На множество грядущих лет.

Сын мой! Земную черту ты пресёк

*Аврааму и Татьяне Пинхасовым,
потерявшим сына Рубена*

Сын мой! Земную черту ты пресёк,
В прошлое взор обратив мой, к тебе.
Страшен, тяжёл и печален урок.
Внемлю ему, покоряясь судьбе.

Сын мой! Оставил ты в сердце моём
Скорбную рану, страданий родник.
Стоном безмерным наполнился дом,
Мрак воцарился в нём, дух мой поник.

Сын мой! Надежда моя и мечта,
Ныне – трагичный излом моих дней,
Сменой предстала твоей пустота,
Смолк ты, как молкнет журчащий ручей.

Сын мой! Тоска мою душу гнетёт:
Сумрачен траурный цвет бытия.
Жизнь сокрушил роковой твой исход.
Невосполнима потеря моя.

Сын мой! Всесильною волей Небес
Стал для меня ты легендой, звездой.
Радость бывшему – теперь моя песнь.
Благословенным чтоб стал твой покой.

Ты вновь ко мне пришла, Беда
Сасону и Свете Бангиевым,
потерявшим сына Пулата

Ты вновь ко мне пришла, Беда,
Вновьходишь в дом мой, багровея,
Меня, вновь выбрав, как всегда,
Несчастной жертвою своею.

За что? За что?! Хочу понять!
За что мне муки роковые?
Прошу тебя я, дай мне знать:
Зачем приходишь ты стихией?

Своей жестокою рукой
Мой лик печалью ты покрыла.
Скажи, что делать мне с тобой?
Скажи, ответ дай, сделай милость!

Мой путь по жизни – цепь потерь.
Подавлен я, скорблю, горюю.
Давно готов принять я смерть,
Ищу её я, дорогую.

Но, вместо смерти, *ты* идёшь,
Идёшь, как злой завоеватель.
Меня охватывает дрожь –
Даю я дань, тобой прижатый.

Тебе понравилась игра:
Ты – рада в зле, я – жалок в плаче.
Стать равнодушным мне пора.
Быть может, это даст удачу?

Представь, пришла ты тенью злой,
А я тебя не замечаю.
Ты стала рушить мой покой,
А я, спокойный, не страдаю...

О Боже, что я говорю!..
Быть равнодушным к злу жестоко...
И как себя я усмирю,
Когда лишат зеницы ока?..

В Тебе, о Боже, вижу я
Свою надёжную защиту.
Все злодеянья бытия
Твоей рукой лишь будут биты.

Молиться буду день и ночь,
Просить Тебя благоволенья.
Коль грешен я, простить, помочь,
Послать с небес Своё спасенье.

Пошли мне, Боже, яркий свет
На смену тягостному мраку,
Спаси от зла грядущих бед,
Надежды, радости дай знаки.

Был сын. И сына нет.
*Вилену Зильберману,
потерявшему сына Александра*

Был сын. И сына нет.
Остался горький след.

Как бряцала струна!
А ныне – тишина.

Взирает вдаль отец.
Щемит его рубец.

Пронзительная боль.
Гнетущая юдоль.

Талантов редких блеск.
Порой так страшен всплеск!..

Нежданно всё ушло.
Вошло и вышло зло.

Тоска и память зрят.
Ты где, душевный лад?

Мрачна, угрюма тень.
Светлеет снова день.

Ты жизнью, вроде, сыт.
Судьбина ж жить велит.

Теряешься порой.
Творец, побудь со мной.

Встреча на кладбище
*Михаэлю Даниярову,
потерявшему сына Георгу (Жору)*

На кладбище, у памятника я.
Дочь младшая лежит в этой могиле.
Все мысли – о проблемах бытия,
Что всё уйдёт, покрывшись серой пылью.

Как маятник колеблющийся, мысль:
Пришла от философствования к вере.
Смысл жизни, как вопрос, – ведь он повис –
Мысль хочет на других весах измерить.

Свершился посещенья тяжкий час.
Брожу среди могил, весь в размышленьях.
Меж взорами смотрю – знакомый фас.
То – друг, то – Михаэль благословенный.

– Что привело, о друг мой, Вас сюда? –
Спросил я, Михаэля обнимая.
– Здесь сын мой, – его молвили уста,
А сам вниз, на могилу, зрит, вздыхая.

В мгновенье наши речи пресеклись,
Не выдержали оба, зарыдали,
И снова мы друг с другом обнялись,
Как побратимы уже, с общею печалью.

И долго мы стояли средь могил,
Делясь о безутешной, горькой боли.
Друг другу пожелали много сил,
Чтобы излить в твореньях свою долю.

Гавриэлю и Инессе
потерявшим младшую дочь Мейталь-Хаю

Есть казнь, что слывёт как особая казнь:
Потеря родного ребёнка.
Она ниспадает с Небес, как приказ.
О, где вы, намёки и тонкость?

Готов ты, рыдая, отдать свою жизнь,
Чтоб только осталось жить чадо.
В желанье твоём настоящий трагизм:
О, жить как? Ужели так *надо*?

И ты надеваешь на сердце узду,
Свои усмиряя порывы.
Творец мой, по воле Твоей я иду.
О, сил дай, Господь справедливый.

Семёну и Лине Зиркиевым,
потерявшим старшего сына Серёжу

Спокоен мир. Вдруг гулкий взрыв.
Как будто гром средь бела дня.
Сердца встревожил лейтмотив,
Своим известьем всех маня.

Повсюду речь лишь о тебе.
Вспугнул в тиши скрип колеса.
Молва кряхтит о злой судьбе.
Глядят печально Небеса.

Слова какие-то звучат:
«Ты был, и ...нет тебя теперь».
Лепечут что-то невпопад.
Хоть верь тем слухам, хоть не верь.

Им не желает внять твой нрав,
Их отогнать желает прочь:
«Уйди, известие-удав!...»
В сердца ж вселилась злая ночь.

Да-да, мой друг, увы, ты *был*.
Тебя уж нет, час пробил твой.
Темнит в глазах: «О, дайте сил!
Ты где, о сын любимый мой?!»

Всё оглушили плач и стон.
Душа, в аду словно, горит.
«Скажи хоть слово, горизонт,
Тем тучам, скрывшим наш зенит!

Как пережить нам эту жуть?..
Где, утешенье, твоя грань?..
Кто может сына нам вернуть?..
Смиренье, нам одеждой стань!..

Быстрее неситесь, времена!
Отчаянье, от нас уйди!..
О жизнь, порой ты так страшна!..
Порой нет смысла на пути!..»

Когда ты был совсем юнцом,
Шалил, как всякий мальчуган.
Но рос, идя своим путём,
И вырос в личность средь землян.

Являли глубь твои глаза.
В них святостью царила высь,
В них скрыта совести слеза,
В них взгляд на подлинную жизнь.

Незабываем стал твой взор.
В нём понимание сердец,
В нём сострадание и скорбь,
В нём горестный земли жилец.

В тебя избранник был вселён.
В тебе за правду жил борец,
Что к мудрости седой склонён.
С тобою был уж Сам Творец.

А ныне ты на Небесах.
К тебе, как к гостю, рай готов.
Земля в возвышенных строках
Тебе шлёт много добрых слов.

Приложение-2

Сочувствие

Обязательным внести в эту книгу я решил и следующий рассказ, который непосредственно связан с трагедией в нашей семье.

Дело в том, что когда уже прошли дни пребывания в больнице, похороны, скорбная неделя, я возвращаюсь в себя, выхожу на работу, возобновляю нормы своей жизни. Было много встреч с людьми, отовсюду слышны выражения жалости, сочувствия, соболезнования.

Один из всех этих голосов был особенным. После слов сопереживания он неожиданно для меня произнёс следующее:

– Ну, где Ваш Бог? Если бы Он был, такого бы не произошло.

И без того исполненный печали, я был убит этой фразой и не нашёл ответа на столь жестоко поставленный вопрос. Тихо вздохнув, я опустил голову и ушёл.

Серьёзно и глубоко погружившись в размышления, я, в первую очередь, принял этот вопрос свыше. Прекрасно понимая, что мы с этим человеком чужды друг другу, как два разных еврея – верующий и неверующий, я мысленно поблагодарил его за откровенность. Потому что до него и после него никто и ни разу не ставил передо мной этот вопрос в столь прямой и открытой форме.

Затем я признался сам себе в том, что не был готов к такому повороту в диалоге, к такому вопросу. Он требовал серьёзного анализа ситуации и определённых ясных выводов. Одним словом, необходимо в этом вопросе выработать концепцию.

Далее я стал искать жанр, в котором логично было бы поставить вопрос об отношении человека к подобной ситуации. Как говорится, не мудрствуя лукаво, остановился на жанре рассказа-диалога между двумя друзьями-евреями, у которых принципиально разное мышление.

Справедливость

Вениамин и Руслан часто спорили. Темой спора могло стать всё что угодно. Порой их словесные поединки доходили до грани упрямства. Стоило одному утвердить нечто, как другой тут же занимал противоположную позицию. Впрочем, это не мешало их дружбе. Напротив, их общение носило здоровые черты. Друзей тянуло друг к другу, несмотря на различные взгляды на жизнь. Видимо, большую роль играла здесь внутренняя острая потребность в интеллектуальной игре, более того, в некоем дополнении к своему «я». Ибо, только объединившись, противоположности могут претендовать на нечто совершенное.

Темой сегодняшней дискуссии друзей стал случай, который произошёл в их округе. У одного из жителей неожиданно погиб сын, молодой красивый строитель. Это не оставило равнодушным ни-

кого. Все были вовлечены в атмосферу траура. Соболезнуя родителям погибшего, обсуждая обстоятельства гибели парня, все сходились в одном – очень тяжело, когда родители хоронят детей.

– Какая жуткая несправедливость! – глубоко вздохнул Руслан.

– Да, это ужасно, – подтвердил Вениамин. Руслан посмотрел на друга, не меняя хмурого взгляда:

– Ещё вчера мы спорили с тобой о вере и справедливости. Ты сейчас сам видишь всё. Скажи, справедливо ли, когда родители хоронят детей? Где же твой Бог, я спрашиваю тебя?!

Короткие вопросительные фразы с длительными перерывами усиливали страстное возмущение Руслана.

Вениамин стоял перед трудной задачей. Действительно, вчера он, красиво жонглируя в словесной схватке, одержал убедительную победу над соперником. Но сегодня... Сегодня, слушая упрёки Руслана после случившегося, Вениамин задумался о другом. Уж очень не хотелось ему играть словами. Это было бы кощунством. Слишком тяжёл был факт. Помимо всего, погибший ведь был их товарищем. Вениамин в поисках аргументов, пытался понять истину.

– Скажи, Руслан, – начал он, – что, собственно, произошло? Для нас – это трагедия, тяжёлый случай. А что это для Бога? Видимо, какая-то поправка в Его мире.

– Как ты можешь так рассуждать?! – взорвался Руслан. – У людей такое горе! Если бы Бог был, Он бы такое не допустил. Ни в коем случае!

– Не горячись, – резко остановил его Вениамин. – Давай лучше подумаем. Ведь разговор идёт о самом серьёзном, что есть на свете, – о смерти.

– О гибели, – поправил друга Руслан.

– Хорошо, о гибели. Хотя, по большому счёту, это одно и то же – уход из жизни. – Вениамин глубоко вздохнул. – Чем же ты мотивируешь эту *несправедливость*?

– Нелогичностью, – резко прервал его Руслан. – Дети не должны уходить раньше родителей.

– То есть, – Вениамин обжигал Руслана, пронзительным взглядом, – ты хочешь сказать, что если б этот мир создал ты, то у тебя бы дети всегда уходили после родителей?

– Разумеется, – отчеканил Руслан.

– Кстати, – хитро прищурился Вениамин, – а почему в своём мире ты вообще допускаешь смерть? Для чего люди рождаются у тебя? Чтоб умереть?

– Такова природа, – опешив, ответил Руслан.

– Хорошо, допустим. Значит, ты допускаешь смерть, исходя из законов природы. А что ты скажешь об истории? Оч-чень интересной мне представляется твоя история, – назидательно укоряющий взгляд Вениамина был недвусмысленным.

– На что ты намекаешь? – вызывающе спросил Руслан.

– Ну, какая же это история – без войн? – сказал Вениамин.

– Как это – без войн?

– А так. Участники войны, как тебе известно, это дети. Их престарелые родители – дома, в тылу. Во всяком случае, большая часть армии – молодёжь. – Вениамин смотрел на Руслана в упор и безотрывно. Слова выходили из его уст как отпечатанные. – Остальное, надеюсь, тебе понятно. Ведь не в ладошки же будут играть две неприятельские армии. Не абсурдна ли сцена, когда над молодым воином занесён меч, а все спокойны и знают, что ничего не случится, потому что родители этого воина ещё живы...

Руслан тупо смотрел в сторону. Это было своеобразное согласие с оппонентом. Вениамин решил немного успокоить друга:

– Да не дуйся ты! То, что я сказал, – не моё открытие, а общеизвестный факт. От этого не отпёртись. Пойми, слишком упрощённо и наивно было бы считать и войны проявлением несправедливости. Наука называет совокупность жизненных явлений всемирно-историческим процессом. Вера – Божественным промыслом, провидением Бога.

– Знаю, – буркнул обиженный Руслан.

– Если знаешь, – улыбнулся Вениамин, – то продолжи мысль.

– Пожалуйста. Война – это крайний пример. А почему родители хоронят своих детей в мирное время? Может быть, потому, что война и мир – это две стороны одной медали, две полярные точки од-

ного гигантского полотна, которое называется жизнью? И к вопросу о справедливости нужно подходить совсем с другой меркой? Отсюда вытекает, что человеческая справедливость – это справедливость низшего порядка, потому что она не в состоянии дать ответ на такие вопросы, как рождение и смерть, судьба и её повороты. А значит, существует справедливость высшего порядка. Это Божественная справедливость. Познать её человеку не дано. изменить – тем более. Удел человека – только смиренно принять её... Ты доволен? – резко остановил себя Руслан.

– Bravo! – восторженно зааплодировал Вениамин, пытаясь обнять друга.

– Брось, – увернулся Руслан. – Мне тяжело, понимаешь. Я не верю в Бога.

– Может быть, *не верил*? – подчёркнуто поправил его Вениамин и встретил сердитый взгляд Руслана. – Хорошо. Но науке ведь ты *веришь*.

– Наука – доказывает.

– Но далеко не всё. Вопрос, который мы подняли, она не в состоянии доказать. Наука здесь может только констатировать факт, лишая нас самого главного – смысла происходящего.

– Мне надо подумать, Вениамин, – устало сказал Руслан.

– Подумай. Ведь разговор идёт об истине. Я понимаю, родитель, которого постигла такая беда, не может не горевать о безвременно ушедшем ребёнке. Но проходит время. Он, даже вопреки жела-

ниям, продолжает жить. А значит, продолжает выполнять ту функцию, которая возложена на него.

Оба, и Руслан, и Вениамин, были спокойны и задумчивы. Так их споры никогда не заканчивались. Предмет спора – слишком высок и непосилен, чтобы дать какой-либо однозначный ответ. На пути к юношескому стремлению непременно доказать своё, отстоять свою позицию с неодолимой силой встала Истина. Стоя перед ней, ты не можешь закрыть свои глаза, если ты – человек. Но, глядя на Истину, ты невольно поднимаешь свою голову к Небесам. Ибо ответы – *Там*, за чертой обозримого. Ты вновь и вновь приходишь к себе и задаёшься вопросами. Вот – ты. Ты – родился. А мог и не родиться... Значит, это нужно было, чтобы именно *ты* – родился. И родился *сейчас*. Не раньше и не позже. Ты – уйдёшь. Когда? Где? Как? Неизвестно. Неизвестно – кому? Тебе. Людям, ибо человек может знать только то, что ему дано знать. А известно это только Тому, Кто ведает всем этим. Он – Всеведущий. Не признать Его как Истину, значит, кривить душой, спрятаться за щитом самообмана. Но если ты осознаёшь в себе человеческую личность, то ещё раз посмотришь вверх и согласишься с Ним и примешь Его справедливость.

Сведения об авторе

Роберт Бангиев – поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик, автор свыше 30 книг. Член Союза писателей Израиля. Руководитель Центра культуры «Муза». По профессии музыковед, преподаватель теории музыки и фортепиано.

Жанры: стихи, поэмы; притчи, сказки, рассказы, повести; драмы; эссе, афоризмы; статьи, очерки, интервью и др.

Книги: «Несколько слов», «Вне времени», «Семена и плоды», «Послание», «Дорога святости», «О коротком былом», «Корабль бессмертия», «Чти сына своего», «Ступени, ведущие в рай», «Родники добра», «Десять еврейских поэм», сборник афоризмов «От земли до Небес», «Псалмы в стихах», «Тикун Ха-Клали в стихах», «Шир Ха-Ширим в стихах», «Удивительное путешествие по сказочной стране МУЗА»; «Ха-Перах вэ Ха-Эвен» (иврит), «Завещание благородного человека», «Свет Михаэля», «Шир Ха-Ширим в стихах», «Притчи. Сказки. Фантазии», «Сонеты», «Диалоги», «Вариации», «Эссе» и др.

Содержание

От автора/3

Первая часть Посвящения отца Алле

Август – проблеск и отрада. *Акростих*/6
Как рано мудростью прониклась ты/7
Прощание/8
Ищу и жду/10
Голос/12
Ты жива для меня/15
Образ невесты застывшей/18
Всё проходит/21
Единения дорога/24
В добре моём Тебе ответ/26
Золотой островок/29
Кристальный родник!/31
Понимание/33
Посланница таинственных Небес/35
Воспоминая о былом/37
Алла. *Газель*/41
Алла. *Акростих*/42

Посвящения других поэтов Алле

А. Иноятов. Ну, что ты видела, живя?/43
Рафаэль Бангиев. Ба хотири Аллачон (Памяти
Аллы. Перевод)/44

Рафаэль Бангиев. Зимистони таърихӣ (Историческая зима. Перевод)/48

Рая Кошмакова. Бахшида ба Аллачон чавонрафта (Посвящение Аллочке, в юности покинувшей мир. Перевод)/52

Рая Кошмакова. Бахшида ба соли якуми Аллачон (Посвящение в честь первой годовщины Аллочки. Перевод)/54

Маруся Мушеева. У каждого своя дорога/56

Лэйд Маим-Хаим. Алле Бангиевой/58

Мирьям Юсупова-Бангиева. Алле Бангиевой/59

Приложение-1

10 швата/60

Дорога святости/62

Вторая часть Моим побратимам

Каждый знает о том (*Малко Хаимовой-Израиловой, потерявшей дочь Розу*)/83

Когда погрёбают детей (*Зое Полвановой, потерявшей сына Эфраима*)/85

Худшее из зол (*Любе и Симе Исхаковым, потерявшим сына Ариэля*)/86

Обращение учителя к отцу (*Ильичу Аранбаеву, потерявшему сына Яира-Володю, ученика автора этой книги*)/87

Саша, ты не умер, как иные (*Лидии Максимовне Конаныкиной, потерявшей сына Сашу, поэта и друга автора этой книги*)/89

Час ада (*Сасону и Свете Бангиевым, потерявшим дочь Розу*)/90

Стоит отец пред мёртвым сыном (*поэту и музыканту Амнуну Давидову, потерявшему сына Моше*)/92

Сын мой! Земную черту ты пресёк! (*Аврааму и Татьяне Пинхасовым, потерявшим сына Рубена*)/95

Ты вновь ко мне пришла, Беда (*Сасону и Свете Бангиевым, потерявшим сына Пулата*)/96

Был сын. И сына нет (*Вилену Зильберману, потерявшему сына Александра*)/98

Встреча на кладбище (*поэту и другу Михаэлю Даниярову, потерявшему сына Гиору*)/100

Есть казнь, что слывёт как особая казнь (*Гавриэлю и Инессе, потерявшим младшую дочь Мейталь-Хаю*)/102

Спокоен мир. Вдруг гулкий взрыв (*Семёну и Лине Зиркиевым, потерявшим сына Сергея*)/103

Приложение-2

Сочувствие/106

Справедливость/107

Сведения об авторе/113